

ТОЛСТОЙ всю свою жизнь прожил на виду у народа, раскрываясь до тайников то под собственным именем, то под псевдонимом Оленина, Левина, Нехлюдова, всегда идя против господствующих ветров и течений, борясь с несправедным богатством, праздностью и насилием, с накопившимися уродствами одряхлевшей цивилизации. И так как долголетием была отмечена жизнь писателя, передовые умы из низов привыкли к утешной мысли, что неподкупное сердце бьется вблизи, зоркое око видит их каторжный труд и лишения, чуткое ухо слышит их стон и песню, и, значит, со временем все это отольется полноценной золотинкой в общую сокровищницу завтрашней преображенной земли...

Подобно тому, как Пушкин открыл нам волшебную музыку родной речи, Толстой с

му пока не попадалась в чистопородном виде.

Облик этого человека не умещается в рамки даже выдающихся литературных судеб. Подобно тому, как о Пушкине, по словам Белинского, стыдно говорить смиренной прозой, имя Толстого требует сегодня праздничного словесного обрамления. Имя это входит в список едва ли полной дюжины великих мастеров слова, начиная с античной колыбели культуры нашей. Самый труд его представляется нам поистине геркулесовым подвигом, — он весь как гора на столбовой дорожке прогресса, с высоты которой видна вековая, иссеченная тропами даль человеческой мысли. Все они там, от самого Фалеса, — собеседники Толстого!.. И здесь мне полагалось бы остановиться на немеркнувшей пленительности толстовских образов и, в частности, провести

порою узловатого и терпкого, включающего в себя целый вихрь произнесенных оценок и психологических интонаций; языка столь емкого, с таким гулким эхом, что позволяет читателю не только спускаться в глубь страницы по ступенькам строк, но и по прочтении книги долго бродить в ее волшебных окрестностях; пусть иногда затрудненного толстовского языка, заставляющего, по отзыву Чехова, карабкаться на отвесные кручи словесных периодов, что всякий раз с избытком окупается открывающимся сверху кругозором. Не менее уместно было бы перечислить причины столь могучего, оплодотворяющего влияния Толстого на европейские литературы и заодно показать на ряде блистательных примеров, как поэтические свершения писателя повлияли на наш национальный характер и как в его собст-

Леонид ЛЕОНОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ее помощью беспримерно выразил заветные дела, радости и печали русских, в том числе их былинный поединок с многоязычной поднаполеоновской Европой! — а на их историческом образце показывал столько раз проверенную с тех пор механику героического преображения в борьбе за правое дело — как наций, так и отдельных мирных душ вообще. Все внятно автору «Войны и мира», «Казачков», «Анны Карениной» и «Воскресения»: бури и неощутимый ветерок, столь громадное, что не умещается в нормальном пространстве, и мнимые мелочи, ускользающие от рассеянного взгляда, полдневное величие и вечер человеческой личности. Кроме того, противоречивая и сложная биография Толстого помогла ему показать людское сердце в самых неожиданных сечениях, и, конечно, после Руссо никто еще не распахивал его читателю до такой степени настежь. Сегодня... Толстой без всякого подвешивания виден нам во весь исполинский рост не только свершений, но и колебаний, крайностей и заблуждений своих, неминуемых для искателей правды, которая нико-

хрестоматийные параллели между Татьяной Лариной и Наташей Ростовской; сглаживая трудности духовных исканий Толстого, полагалось бы помянуть вскользь про всепоглощающий пантеизм и одновременно подчеркнуть столь основательное у Толстого и пресловутое, чрезмерно часто упоминаемое сегодня знание жизни, которое, по правде говоря, само собою вытекает не только из подразумеваемой литературской честности, но также и профессиональной потребности нашего ремесла, — то есть такое пристрастие к жизни, что иная его страничка кажется пригоршней неостылого житейского вещества, выхваченного из глубины тогдашней действительности. В связи с этим было бы важно еще раз раскрыть замечание Ленина о сильнейшей разоблачительной стороне толстовского творчества, которую является его «самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок».

Для нас, нынешних литераторов, полезно было бы также остановиться на поразительной точности толстовского мышления и подгонки к нему толстовского языка —

венном творчестве проявились размах, упорство, глубина и другие качества русской природы. Все это необходимо для понимания исключительного толстовского места в потоке мировой культуры, чем и объясняется такое множество книг о толстовской прозе как на русском, так и на иностранных языках...

Признаться, странное же было у писателя Льва Николаевича Толстого христианство, обряды которого он отвергнул в семнадцать лет, — сомнительное христианство Толстого, от которого официальная церковь вынуждена защищаться отлучением, то есть публичным проклятием с амвонов страны, что, хоть и полечит лишения гражданской чести на эшафоте, под барабанный бой и через палача, все же не могло не влиять на самочувствие графа Толстого в привычной ему среде, ставило его в затрудненные отношения с любезным его сердцу патриархальным крестьянством. Вера Толстого вела не в отшельнический затвор, не в пустыню эгоистического уединения от суетной житейской толкотни, а, наоборот, к деятельности на пользу ближ-

Лев Толстой в Ясной Поляне. 1907 г.

них, во имя добра и мира, к простым людям — в том исчерпывающем сближении, к которому тянется всякая крупная, общественно мыслящая личность. Стоит лишь прочесть текст синодского отлучения 22 февраля 1901 года с перечислением толстовских ересей, за каждую из которых три века назад за просто сжигали на площадях Европы!.. Итак, требуется найти другое обозначение духовным исканиям Толстого, которые, по слову Ленина, завершались стремлением «сместить до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейско-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян...»

Всюду в толстовских произведениях симпатия автора

на стороне народной массы — вспомнить только самочувствие Оленина и Нехлюдова в ранних вещах или авторское отношение к Герасиму и Акиме в поздних. Мудрец Каратаев всего лишь солдат, и Пьеру Безухову больше всего хочется быть солдатом, просто солдатом...

И даже на смертном ложе в астаповской камерке, когда все житейские привязанности, спутники жизни, также избранная им котомка странника — все осталось позади, с мертвенных губ Толстого срывается последняя его, зарегистрированная газетной хроникой, пронзительной тоски полная фраза: «...нет, мужики так не умирают!». И в этом предсмертном, сквозь зубы сожалении выражена вся житейская философия Толстого — строить жизнь так, чтобы уходить из нее безболезненно, как все эти немудрствующие счастливицы —